

РАЗДЕЛ IV.

КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНАЯ СПЕЦИФИКА ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ СИСТЕМЫ И ЯЗЫКОВОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

УДК 811.111

В.Н. Рябов

НЕОБЫЧНЫЕ СЛОВА И ФОРМЫ СЛОВ В КНИГЕ ТРЕТЬЕЙ «ХМУРОЕ УТРО» ТРИЛОГИИ А.Н. ТОЛСТОГО «ХОЖДЕНИЕ ПО МУКАМ»

***Аннотация.** С высоты сегодняшнего дня можно по-разному оценивать этот роман. Необычные слова и формы слов структурированы в нем особым образом с той целью, чтобы выразить главное настроение произведения - пафос великих трудностей, мук борьбы и их преодоление во благо достойной человека жизни.*

***Ключевые слова:** необычные слова, необычные формы слов, лакуны, элимантемы, текст, роман.*

В романе «Хмурое утро» [2], в отличие от первых двух книг трилогии («Сестры» и «Восемнадцатый год»), события октября 1917-го года – это уже точно не октябрьский переворот, а революция. С высоты сегодняшнего дня можно по-разному оценивать этот поступок писателя. В соответствии с известными настроениями, стал востребованным взгляд, опирающийся, с точки зрения некоторых исследователей творчества А.Н.Толстого, на «обязательно безупречные» воспоминания его знакомых, оставшихся в эмиграции, в то время как сам писатель, «нагоревавшись» донельзя, вернулся из Берлина в Россию. До этого он, как известно, опубликовал в газете «Накануне» свое знаменитое протестное «Открытое письмо Н.В.Чайковскому» [1], где с болью размышлял по поводу бытия белой русской эмиграции. Так вот, ничтоже сумняшеся, некий Марк Блау с воодушевлением вещает в Интернете о встрече А.Н.Толстого в 1937 году с оставшимся в эмиграции в Париже художником Ю.П. Анненковым, где писатель «беспечно выболтал главный секрет своей советской славы – «кувыркаются» все советские литераторы». Такое недоброе и легковесное отношение к судьбе и твор-

честву замечательного художника слова нам претит. Важнее другое: в последнем романе трилогии сомнения, страдания, тревоги народа, связанные с коренным переломом истории, с событиями 1917-1918 гг. в России, находят выход именно в слиянии с новой действительностью. Судьбы «белой гвардии» и тех, кто вместе с ней потерпел поражение в жестокой братоубийственной войне, зачастую непонятно во имя чего, А.Н.Толстому уже не так интересны, как ранее, как в первых двух частях трилогии. Несколько огорчительно, в связи с этим, что право на кровавый протест против власть предержащих со стороны «униженных и оскорбленных», защита этого права явлены в произведении несколько прямолинейно. Не вполне стабилизируют в этом плане ситуацию и те отрезки текста романа, где писатель неистовствует, негодует, что, к примеру, «тем упорнее, страшнее был бой, что с обеих сторон дрались русские люди», что случилось нетерпимое: красноармеец, «уклоняясь от удара шашки, схватился в обнимку с дюжим хорунжим, - новгородец с донцом, - стащил его с коня и заковал на нем».

Отразить замысловатость складывавшейся и сложившейся в результате повествования коллизии помогает, как и почти всегда в трилогии, факт наличия в романе большого количества так называемых необычных слов и форм слов, структур, скроенных, как правило, с нарушением общих правил русского слово- или формообразования, либо того и другого вкупе, по сути через преодоление противодействий их конструированию. Особый статус в ряду таких слов имеют задействованные в произведении глаголы типа *полосатить*, *загорячить*, *увязить*, *позавалиться*, *похилиться* и др. Суффиксы этих слов, что важно, справедливо соотносить с так называемыми тематическими гласными (-е-, -и-, -а-, -о-, -у-, -ы- в глаголах соответственно типа *видеть*, *просить*, *решать*, *колоть*, *дуть*, *рыть*), словообразовательная функция которых в синхронии в непроизводных словах уж точно, как видно, не просматривается, т.е., скорее всего, утрачена напрочь или почти напрочь. Что же касается различий между представленными глаголами из романа А.Н.Толстого, то они есть и о них разговор особый.

Отсутствующий в «Толковом словаре русского языка» Д.Н.Ушакова [3] глагол *полосатить* встречен в произведении писателя в описаниях природы, которая сопровождает одного из главных романа Вадима Рощина во время преследования им некоего Алексея Красильникова, так сложилось, в этой части повествования уже недруга, мажора из банды батьки Махно, бессовестного кулака, а когда-то, как помнится, т.е. не так давно, сослуживца, вестового у Рощина в годы войны с немцами и австрийцами. А.Н.Толстой в присущей ему изящ-

ной манере повествует: «Лучи солнца, с золотящимися в них тучами комаров, пестрили и *полосатили* лес, - трудно было что-нибудь разглядеть впереди и в стороне от себя...» Словообразовательный характер суффикса *-и-* в анализируемом глаголе поддерживается тем, что сконструирован глагол здесь не от непроизводного слова, а от уже состоявшегося производного прилагательного с суффиксом *-ат-*. Имеем в виду, что словообразовательный потенциал основы *-полос-* был уже задействован в прилагательном *полосатый*, производящем новообразования *полосатить*, в результате чего и выстраивается легко просматриваемая словообразовательная цепочка *полоса-полосатый-полосатить*. Необычность же новообразованного глагола видится, правда, несколько иначе, если допустить в качестве реального потенциализм (представим как нечто трудно конструируемое) с суффиксом *-и-*, произведенный от существительного *полоса* напрямую (*полосить*). В контексте романа А.Н.Толстого *полосатить* – это то, что можно наблюдать, то, что при посредстве лучей солнца «с золотящимися в них кучами комаров» делает лес *полосатым*. Ситуации, при которых новообразование писателя может быть востребовано иным контекстом, в принципе способны появляться во множестве – все зависит от таланта, от по сути способностей того или иного автора, решившего ввести его в свой текст. Самое главное, что на выходе *полосатить* – это по существу, делать всё, что угодно, *полосатым*.

По близкой схеме, что и в предыдущем примере, можно анализировать наблюдаемый в романе, но также отсутствующий в словаре Д.Н. Ушакова, глагол *загорячить*. Примечательно вместе с этим, что при его здесь отсутствии явлен в словаре возвратный глагол *загорячиться*, что подвигает любого читателя осторожно относиться к новообразованию *загорячить*. Иначе говоря, не вполне понятно, является ли оно результатом обратного словообразования от однокоренной конструкции с суффиксом *-ся* - , или же, наоборот, анализируемый глагол – это некая виртуальная структура, ставшая, скажем так, базой при чересступенчатом словообразовании возвратного глагола от инфинитива *горячить*, отмеченного, кстати, в словаре Д.Н.Ушакова в качестве образования несовершенного вида (к *разгорячить*), с пометой «книжн.» и в значении «возбуждать, раздражать». В повествовании А.Н.Толстого глагол *загорячить* обнаружен в описаниях начальника Стальной дивизии красных казаков-кубанцев Дмитрия Шелеста. Писатель сообщает, как тот, «одетый по-кубански, с газырями, с большим кинжалом на животе и башлыком за плечами», желая вплотную познакомиться с теми, кому пришел на помощь, «*загорячил* вороно-

го коня», т.е. по сути остановил его, сделал так, чтобы конь не *загорячился*, не стал *горячиться*, нанося в результате быстрого, без отдыха бега вред и себе, и всаднику. С другой стороны, пониманию глубинной сути новообразования может способствовать и умение видеть его связи с глаголом *горячить*. Имеем в виду, что Дмитрий Шелест в процессе бега *горячил* коня, т.е. возбуждал, раздражал его в той мере, что *загорячил*, довел до предела, до недопустимого, и по этой причине тут же опять-таки *загорячил* его, остановил, дабы не случилась беда. Получается, что у новообразования одновременно явлены два контекстуально обусловленных значения – «загонять коня во время бега до предела» и «вовремя остановить коня во время бега, чтобы ни с кем не случилась беда». При таком подходе легко просматривается префиксальный способ образования глагола из романа А.Н.Толстого – при посредстве приставки *за-*, и только. Однако направление мотивации допустимо вести здесь и от прилагательного *горячий*, предлагая мыслить его сконструированным при помощи конфикса – приставки *за-* и суффикса *-и-* одновременно. По-видимому, границы возможных употреблений новообразования весьма ограничены, ибо *загорячить*, в том числе и довести до высокой степени температуру тела животного (сделать его *горячим*) можно только в том случае, если это животное – конь. Правда, скорее всего, в специфически организованных контекстах границы, возможности употреблений анализируемого глагола могут и даже значительно расширяться. Важно понимать, в связи со сказанным, что словообразовательная значимость суффикса *-и-*, как в нашем примере, не сводится к той роли, какую чаще всего в составе слова выполняют собственно тематические гласные. Мы осознаём, что морфемы *-е-*, *-и-*, *-а-*, *-о-*, *-у-*, *-ы-* в составе глаголов, образованных от производных слов, в итоге должны оцениваться в качестве именно словообразовательного средства, но не столько сами по себе, сколько в слиянии с морфемами, участвовавшими в конструировании производных производящих образований, т.е. в качестве формантов.

Глубинно необычный глагол *увязим* обнаружен в романе А.Н.Толстого, когда воспроизводится обсуждение предстоящей по приказу высшего командования красных войск преступной, авантюрной, бесперспективной, с точки зрения участников обсуждения, боевой атаки красноармейцев на позиции белой армии. В беседе, склонившись над потрепанной картой, принимают участие по сути главные герои всей трилогии, ныне уже активно выступающие на стороне красных Вадим Рошкин и Иван Телегин и недавно прибывший в бригаду комиссар из рабочих некий Чесноков. Разговор трудный, и комиссар, возмущаясь, на-

стаивает, что даже если предстоящая операция и удастся, то «позицию удержать нельзя», операция преступна, и красноармейцы «не должны туда идти». Соглашается с комиссаром и Телегин. Рошин, дабы подчеркнуть провокационную сущность приказа об операции, специально детализирует преступность этого действия, его бесперспективность. Он негодует: «Мы пойдем, уложим сотню бойцов на этой операции, вклинимся в белый фронт, не имея никакой связи со своими..., нас будут расстреливать на переправах, затем – ровное поле, где нас атакует конница, и – болото, где мы *увязим* половину телег». Такой объемный контекст приведен нами специально, задействован для того, чтобы именно отчетливо обозначить потребность писателя именно в слове *увязить*. Необычность ситуации и необычность самого глагола состоят в том, что, хотя в словаре Д.Н.Ушакова он и обозначен как переходный, совершенного вида и образование разговорное и в значении, повторяющем то же значение, что и в романе («застрять, попав в что-то такое, из чего трудно выбраться»), этот словарь предупреждает пользователя таким источником информации обязательной пометой, что его употребление в личных формах недопустимо (л.не употр.)». Получается, что специально сконструированная писателем в романе ситуация позволила недопустимую словарем форму 1л.мн.ч. будущего простого времени полагать допустимой, хотя и достаточно необычной, забытой. Словарь, и это примечательно, в другом месте словарной статьи глагола *увязить* ориентирует исследователя на понимание им особенностей семантического устройства этого слова уже через сопоставление с глаголом *завязить*, что дает ему, исследователю, право на опять-таки сопоставление в принципе новообразования из романа с другими однокоренными конструкциями, наличествующими в словарных источниках или с существующими в языке потенциально. Преодоление запретов словаря Д.Н. Ушакова на употребление глагола в тех или иных оформлениях усиливает тем самым в итоге и его необычность. В произведении А.Н.Толстого он явлен в совершенно неожиданной форме – *увязим*.

Сразу два необычных глагола представлены в романе писателем на одной странице и в одном предложении. Это слова *похилится* и *позавалится*, и задействованы они в нем в форме 3 л.ед.ч. будущего простого времени, в составе сложной конструкции императивного толка. В соответствии с уже сложившимся приятственным отношением к новой власти и будучи и в размышлениях уже безусловно на стороне большевиков, А.Н.Толстой насыщает речь некоего комиссара Ивана Горы перед предстоящим столкновением с силами белых вполне допустимым в такой ситуации призывом: «Да *похилится* и *позавалит-*

ся мировой капитализм!». Необычность глаголов объясняется тем, что оба они отсутствуют в словаре Д.Н.Ушакова, явлены же, вместе с тем, в повествовании писателя вполне определённо, да ещё и в качестве образований императивных. С точки зрения правил, особенностей словообразования, структуры это разные. Направление производности глагола *похилиться*, скорее всего, целесообразно вести от прилагательного *хилый*, тем более, что нет в словаре потенциализмов, скажем так, типа *хилиться* или *хилить*, а реальный глагол *хилеть* (несов., разг.) в значении «становиться *хилым*» и другие также реальные однокоренные слова (*хилость*, *хиляк*) мало что в этом аспекте проясняют. Судя по всему, новообразование *похилиться* сконструировано при посредстве конфикса- приставки *по-* и суффикса *-ся*, напрямую от непроизводного прилагательного *хилый*, и обрело в романе А.Н. Толстого значение «стать настолько вялым, слабым, болезненным», чтобы капитализму, на радость комиссару Ивану Горе, случилось сгинуть, прекратить свое существование напрочь. Явленная необычность анализируемого глагола выглядит, правда, несколько по-иному, чем необычность второго нового слова, – *позавалиться*. Этот глагол, в добавление к первому, упрочняет потребность героя в том, чтобы буржуазный мир был уничтожен на корню, донельзя, навсегда, чтобы он не просто *завалился* (в соответствии с 3-м просторечным значением этого слова из словаря «упал, обрушился, *обвалился*»), а именно *позавалился*. Такой взгляд на структуру новообразования из романа позволяет исследователю его языка оценивать глагол в качестве образования не более чем приставочного, сконструированного при посредстве приставки *по-* от производного глагола *завалиться*. В итоге оба неологизма из произведения А.Н.Толстого – яркий пример того, что необычность новообразований в самую первую очередь обуславливается допустимостью, разнообразием и даже неожиданностью возможных схем их структурирования, складывающихся в голове внимательного читателя. Важно также, в связи с этим, что формируются, по-видимому, конструируются структуры такого толка часто на базе далеко не самых частотных словесных образований.

Необычность причастных и деепричастных форм, обнаруженных в романе, продуктивно осмысливать в несколько ином плане. Имеем в виду, что необычно, непривычно, неожиданно, во-первых, когда такие образования в словарных статьях толковых словарей, особенно времени выхода произведения А.Н. Толстого в свет, фиксируются в качестве слов заглавных, ибо, в соответствии с традицией, это все-таки не самостоятельные слова, а их формы. Во-вторых, не вполне понятно также, ка-

ков объем причин и какого качества может подвинуть составителя (или составителей) толковых словарей поступать именно таким образом, т.е. нарушать известное правило, связанное со словарным делом. Более того, интересно, как присутствие, наличие таких причин может содействовать или противодействовать разнообразию интерпретаций конструкций подобного рода, усиливая тем самым в итоге их необычность.

Причастные и даже деепричастные формы в качестве заглавных слов в «Толковом словаре русского языка» Д.Н.Ушакова – явление нередкое. Есть в их ряду, повторим, и слова, встречаемые в романе А.Н.Толстого «Хмурое утро». Это, к примеру, страдательные причастия прошедшего времени *пытанный*, *проплеванный*, *перефасоненный*, структурные особенности которых подробно обозначены в словаре в качестве их элементов и в качестве собственно элементов обязательных, подчеркивающих в т.ч. их причастный статус. Слово *перефасоненный* представлено в словаре как слово заглавное, как «прич. страд. прош. вр. от *перефасонить*» и с пометой «(порт. и разг., фам.)». В соответствии с требованиями словаря, никак не нарушая его предписаний, явлено это причастие в романе А.Н.Толстого, когда писатель как некоторую реальность описывает театральную постановку пьесы Фридриха Шиллера «Разбойники», осуществленную на одном из привалов в одной из станиц, в перерыве между кровопролитными сражениями, в дни отдыха после многих репетиций силами обыкновенных красноармейцев из подразделения Ивана Телегина, при многотрудной поддержке со стороны его супруги Дарьи Дмитриевны. Автор романа рассказывает, что «публика в зале поначалу грохала хохотом, узная в размалеванном старике, с волосами из пакли, в балахоне, *перефасоненном* из поповской рясы, – красноармейца Ванина...!». «Он это, – кричали, – Давай, Ванин, жги, не бойся...» Пример этот, правда, не в полной мере, но обуславливает причину (или причины) того, что причастие *перефасоненный* помещено в словаре Д.Н.Ушакова в качестве заглавного слова словарной статьи, подчеркивая ещё и некоторую необычность, исключительность этого слова. Допустимо, по-видимому, что появление причастия в романе А.Н.Толстого, наряду с другими причинами, обусловлено и объяснимой, заметной частотностью его употреблений, во времена тяжелых испытаний людей, в т.ч. и в художественной речи, людей, планирующих новую жизнь в России, когда *перефасонить* или *перефасонивать* приходилось многое.

В словаре Д.Н. Ушакова, в полном соответствии с известными правилами, нет действительного причастия настоящего времени *высигающий*, нет в нем и так же действительного, но уже прошедшего вре-

мени, причастия *высветлившийся*; отсутствуют в словаре и страдательные причастия прошедшего времени *надышанный*, *проспанный*, *расшлепанный*. В этом, иначе говоря, ничего особенного нет. В романе же А.Н.Толстого они явлены как такие, без которых писатель не мог обойтись. И это при том, что сконструированы, к примеру, причастия *высигающий*, *высветлившийся*, *расшлепанный*, с одной точки зрения, чересступенчато, т.е. с опорой на реально не существующие, виртуальные, так называемые квазиглаголы соответственно *высигать*, *высветлиться*, *расшлепать*. Называть эти образования квазисловами, как бы глаголами, нас подвигает и то, что в словаре Д.Н.Ушакова они не зафиксированы. С другой точки зрения, анализируемые причастия продуктивно мыслить произведенными напрямую, от реально явленных в словаре глаголов *сигать*, *светлить*, *шлепать*. Причастие *высигающий* предстает в результате сконструированным, как и другие, без посредников. Оно мыслится произведенным при помощи конфикса-приставки *вы-* и формообразовательного суффикса *-ющ-*, причастие *высветлившийся* мыслится сконструированным при помощи опять-таки конфикса, но уже более сложного, – приставки *вы-*, постфикса *-ся* и суффикса действительных причастий прошедшего времени *-ви-*. Что касается причастия *расшлепанный*, то при его конструировании также задействован конфикс-приставка *рас-* и формообразовательный суффикс *-нн-*. Необычность всех трех причастных форм в основе своей заключается в том, что противодействия их конструированию – реальность, что препятствия их появлению в произведении А.Н.Толстого преодолены контекстами, обязательно особенным образом организованными. В результате получается: писателю было важно, чтобы именно анализируемые необычные формы слов с необычными вкраплениями, в т.ч. лексического свойства, «разнообразили» его роман, делали востребованным для многих и многих читателей.

Причастие *высигающий* обнаружено в романе в описаниях одного из боестолкновений между белыми и красными. Не имея уже сомнений в том, что беды красных ему понятней, что он уже безусловно на их стороне, А.Н.Толстой повествует: «Где же было офицерам, хотя и боевым, да нежным телом господским сынкам, выдержать против насаdistых, *высигающих* из воды, кидающихся на плечи деревенских парней, донбасовских шахтеров, волжских портовых грузчиков, лесокатчиков...» Слово *высигающий* в данном контексте не случайно. В самом деле, писателю трудно представить в качестве «*высигающих* из воды» бойцов белой гвардии, с учетом того, что производящая основа явленного новообразования (глагол *сигать*) представлен в сло-

варе Д.Н. Ушакова с пометой «разг., фам.» и в одном-единственном, легко представляемом, т.е. достаточно известном значении «прыгать». Усиливает целесообразность такого взгляда на сам глагол и на всю ситуацию в целом тот факт, что в словарной статье словаря он обозначен всего с одним примером. Этот единственный пример, что ещё более важно, извлечен из произведений именно великого В.И. Даля – «как заяц *сигает*». Иначе говоря, с точки зрения А.Н. Толстого, никак невозможно представить не то, что просто *сигающими*, а ещё и тем более «*высигающими* из воды» «нежных телом господских сынков»: не дано им это по определению, не может быть этого никогда.

Причастие *высветлившийся*, обнаруженное в романе, необычно по ряду показателей. Во-первых, нет в словаре Д.Н.Ушакова формообразовательной основы этой структуры, способствующей её конструированию напрямую при посредстве суффикса *-ви-*, т.е. по этой причине виртуального глагола *высветлиться*. Нет в словаре, а потому опять-таки как бы слов, квазислов *светлиться* и *высветлить*, которые могли бы прояснить, способствовать осмыслению особенностей структуры новообразованного причастия – в первом случае содействовать осмыслению причастия в качестве образованного от бесприставочного глагола одновременно с помощью суффикса *-ви-* и приставки *-вы-*, во втором – также одновременно, но уже от беспостфиксального и приставочного глагола, правда, при посредстве того же суффикса действительных причастий прошедшего времени *-ви-* и постфикса *-ся*. Во-вторых, и собственно особенности употребления нового образования *высветлившийся* в контексте романа дополнительно усиливают его необычность, допуская в конце-концов многообразие интерпретаций этого слова, в том числе и с опорой на содержание глагола *светлить*, отмечаемого в словаре Д.Н.Ушакова с пометой «разг.» в качестве глагола несовершенного вида «(к *посветлить*)» и в значении «делать *светлым*, более ярким, начищать». Семантическая связь анализируемого слова с прилагательным *светлый* для контекста произведения А.Н.Толстого также вполне осязаема, очевидна, именно им она по сути и поддерживается, обусловлена. Повествуя о трудной судьбе комиссара Чеснокова, в речь которого вплетена фраза «Почему я должен молчать, если я так думаю?...», о его других размышлениях в беседе с Иваном Телегиным, писатель сообщает: «*Высветлившееся* за годы страданий сердце его с трудом воспринимало недоверие к людям, борющимся на стороне революции». Получается, что в романе новообразование имеет значение не «потерявшее способность быть *светлым*, *светить*», а, наоборот, напротив – «обретшее свойство быть *светлым*, *светить* в полном объё-

ме», в той мере, чтобы это удивительное качество сердца человека стало бы многим, если не всем, настолько заметным, что уже никак не может не могло не привлекать к себе внимание.

Необычное новообразованное причастие *расишлепанный* встречается в романе А.Н.Толстого «Хмурое утро» несколько раз. К примеру, на одной из страниц произведения с его помощью повествуется о взятии в плен красными белогвардейском контрразведчике, садисте, убийце малолетних детей крестьянки Анисьи, некоем Николае Николаевиче Немешаеве, где тот предстает человеком «с *расишлепанным* ртом, с мертвыми глазами», от которого к тому же «пахло...тяжело, едко». Как видим, на откуп читателю отдано дорисовать портрет негодяя, особенности его физиономии, обозначив, опираясь на собственные знания, интуицию, детали его «*расишлепанного рта*». Словарь Д.Н.Ушакова здесь, скорее всего, не вполне помощник. Имеем в виду, что в самую первую очередь нет в нем глагола *расишлепать*, который легко бы мог стать реальной формообразовательной базой причастия из произведения А.Н.Толстого. Примечательно, что в итоге без оговорок, напрямую не выводима содержательная структура анализируемой новообразованной причастной формы *расишлепанный* при сопоставлении и с реальными словами *шлепать* (4 значения), *шлепаться*, *шлепка*, *шлепнутый*, *шлепнуть* (3 значения), *шлепнуться*, *шлепанцы*, *шлеп* (2 значения; в значении сказуемого), *шлепок*, *отшлепать*, *пошлепать* и т.д. В конце концов ясно одно: суффикс *-нн-* безусловно активен в структурировании причастия, а далее читатель волен уже сам выбирать, какие из реальных или виртуальных однокоренных образований следует с этим словом соотносить, допуская многообразие конфликтов. Значение новообразования из романа целесообразно в итоге, по-видимому, определять все-таки следующим образом: *расишлепанный* (рот) – «сверстанный из *шлепков*, именно разнонаправленных, взаимоисключающих друг друга, но, тем не менее, всё-таки *шлепков*, что вызывает у читателя не чувство сострадания, а брезгливость».

В другом месте романа причастие *расишлепанный* встречается в ситуации, когда, описывая противостояния белых и красных, исходя из тенденций сегодняшнего дня, излишне, а, может быть, в соответствии всё же с фактами, писатель справедливо восторженно характеризует, описывает заботливые распоряжения известного в те дни человека, командарма С.М.Буденного. А.Н. Толстой сообщает, что тот для целей заботы о подчиненных «наказывал...взять новенькие японские карабины, – чтобы заменить ими, насколько возможно, старые винтовки, *расишлепанные* в боях, – а также канцелярские принадлежности». *Расишлепанные* винтов-

ки здесь, как видно, с одной стороны, – оружие, не вполне пригодное для употребления в бою, а потому и подлежащее замене на более полезное в этом плане, т.е. более прогрессивное. С другой стороны, в силу-то того, что винтовки именно *расшиленные*, они таковы, что уже не раз показывали свою удаль в военном деле и могут быть еще полезны, т.е. в итоге не вполне подлежат срочной замене на те, пусть и японские, которым еще не один раз придется доказывать в сражениях свою целесообразность. Получается, что новообразование *расшиленный* во втором примере так же, как и в первом, сконструировано осознанно многогранно, противоречиво. Обратим внимание на то, что и здесь право соотносить содержательную структуру анализируемой конструкции с тем или иным опосредованно сопоставимым однокоренным словом опять-таки отдано на откуп читателю. Правда, в этом примере читателю в самую первую очередь вполне «с руки» видеть связь новообразованного причастия напрямую – через соотнесение с глаголом *шлепать*, опираясь при этом, пусть и выборочно, пусть и не в полном объеме, но на три первых из четырех его значений. В любом случае, причастие *расшиленный* в последнем примере позволительно мыслить сконструированным при посредстве своеобразного конфикса – словообразовательной приставки *рас-* и суффикса страдательных причастий прошедшего времени *-нн-*.

В качестве необычного, по нашему мнению, справедливо рассматривать обнаруженное в романе деепричастие *пристилая*. Имеем в виду в связи с этим и то, что в словаре Д.Н. Ушакова не отмечено по сути легко конструируемое глагольное образование *пристилать*, которое достаточно не сложно, без затруднений, видится, наверное, любому исследователю в функции формообразовательной базы деепричастия. Иначе говоря, словарь Д.Н. Ушакова полагает, допускает, не специально, однако все-таки допускает, мыслить означенный глагол как слово, скажем так, виртуальное. Получается, по-видимому, что для составителя (составителей) словаря частотность его употреблений в русской речи была принципиально не высока. Для романа же А.Н. Толстого деепричастие оказалось словом, без которого не обойтись. Рассказывая с горечью об одном из случившихся в описываемые в повествовании годы отступлений красноармейцев, автор романа сообщает в деталях: «Дул сухой ветер, *пристилая* к земле полынь, – серой была степь, мутна даль, где волчьими стаями собирались кавалеристы Улагая». У читателя не остается выбора – ему необходимо согласиться, научиться оценивать содержательную структуру деепричастия двояко: с одной стороны, сконструированной чересступенчато – от глагола *стлать*, минуя и, вместе с тем, опираясь на виртуальный глагол *пристилать*. С другой сторо-

ны, читателю допустимо мыслить деепричастие *пристилая* и структурированным при посредстве заметно необычного конфикса – словообразовательной приставки *при-* и суффикса деепричастий несовершенного вида *-а-* от глагола *стлать* напрямую – в первом, в самую первую очередь, его значении «класть, раскладывать на поверхности». В связи со сказанным, полезно учитывать и значение многих других, соотносимых с анализируемым деепричастием однокоренных образований типа *стлаться* (особенно во 2-ом значении «расти, распространяться горизонтально по земле», в т.ч. и в переносном при нем значении «припадать, склоняться к чему-н. (к земле; о растениях, о быстро бегущем) и даже образований типа *растилать* или *перестилать*».

Очень важно понимать, что роман «Хмурое утро» – это повествование о трудной судьбе именно любимой писателем страны в горькие годы случившихся войн, о чем без боли и содроганий он писать не мог. А.Н. Толстой признавал новую власть, новый режим с надрывом, через преодоление противодействий самого разного порядка, ибо, как он сам писал в своем знаменитом «Открытом письме Н.В. Чайковскому», «в великую эпоху белых и красных» он «был на стороне белых» [1, 59]. Мы склонны верить этим размышлениям писателя, а, не скажем так, изысканиям неких исследователей, убеждённых в том, что человек, волею судьбы уезжающий в эмиграцию, совершает подвиг, а человек, не позволивший себе такой поступок или, хуже того, уехавший в эмиграцию, но вернувшийся из неё на Родину, как А.Н. Толстой, уважения не достоин. Мы никоим образом не готовы сравнивать добрые отзывы о писателе и его жизни, как это делает уже упомянутый нами Марк Блау, с «похоронами» [4]. В воспаленном мозгу этого человека зачастую справедливые восторги в адрес великого писателя легко соотносятся с такой похоронной церемонией, когда и «сам покойник движется следом, положенный в лакированный гробик, навсегда успокоенный, и следовательно, готовый к канонизации [4]. Как видим, ненависть к замечательному русскому писателю, ненависть к Мастеру, у Марка Блау, говоря языком сегодняшнего дня, «зашкаливает». Чем она вызвана – можно только догадываться. В ней, на наш взгляд, отношение не только к судьбе и творчеству А.Н. Толстого, но и к стране, в которой писатель трудно жил, к её истории, настоящему, а по сути и к будущему. Необычные слова и формы слов структурированы в романе «Хмурое утро» особым образом и в основе своей с той целью, чтобы выразить, обозначить главное настроение описываемых событий – пафос великих трудностей, мук борьбы и их преодоление во благо лучшей, достойной человека жизни.

Библиографический список

1. **Толстой А.Н.** Открытое письмо Н.В. Чайковскому // А.Н. Толстой о литературе и искусстве: очерки, статьи, выступления, беседы, заметки, записные книжки, письма. Редактор Юрий Оклятский. – М.: Советский писатель, 1984. – С. 59-61.

2. **Толстой А.Н.** Хмурое утро // Толстой А.Н. Хождение по мукам / Трилогия. Книга третья. Редактор И. Израильская. – М.: Гослитиздат, 1957. 376 с.

3. **Ушаков Д. Н.** Толковый словарь русского языка. – М., 1994. – Т. 1-4.

4. <http://skcolazhizni.ru/archive/o/n-36805/>

V.N. Ryabov

UNUSUAL WORDS AND WORD-FORMS IN BOOK III «ХМУРОЕ УТРО» OF A.TOLSTOY'S TRILOGY «ХОЖДЕНИЕ ПО МУКАМ»

Abstract: *From the point of view to the present day this novel can be assessed differently. Unusual words and unusual forms of words are structured differently with the aim to express the main sentiment of the work – the pathos of great hardships, the sufferings of the struggle and their overcoming for the benefit of a decent life of a human being.*

Key-words: *unusual words, unusual word forms, lacunae, elemanthemes, text, novel.*

УДК 81

Е.Н. Красикова

ОТРАЖЕНИЕ ЦВЕТОВОГО ВОСПРИЯТИЯ МИРА ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ЯЗЫКА НА ПРИМЕРЕ ПОЭЗИИ О КРЫМЕ

Аннотация. *В статье рассматриваются вопросы, связанные с проблемами цветового восприятия мира и своеобразием цветообозначений. Практическое отражение данные вопросы авторы находят поэзии о Крыме.*

Ключевые слова: *цветовое восприятие, фразеологическая система, картина мира, поэзия о Крыме, слова-цветообозначения.*

Красочна крымская красота.
В мире палитры богаче нету.
Такие встречаются здесь цвета,
что и названья не знаешь цвету.